

ХАРАКТЕР ПЕРЕДЕЛОВ В РУССКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

На рубеже XX–XXI вв. в методологии исторической науки происходит отказ от марксистской парадигмы и поиск альтернативных подходов к изучению исторических процессов. Многие историки в качестве альтернативы марксизму избрали социокультурный и цивилизационный подходы. Их применение позволяет исследовать те факты и процессы нашего прошлого, которым ранее историки-марксисты не уделяли должного внимания, а также дает возможность современным исследователям посмотреть на многие проблемы российской истории под иным углом зрения. Поэтому в 1990-х – начале 2000-х гг. среди историков возродился интерес к таким проблемам нашей истории, которые к началу 1990-х гг., казалось бы, были фундаментально исследованы. К числу таких проблем относится русская передельная община.

Русская община с ее передельно-уравнительным аппаратом представляла собой уникальное явление в российской истории. Общинные переделы основных сельскохозяйственных угодий и причины, их вызывавшие, являлись и являются объектом исследования не только узкого круга историков-агарикистов, но также социологов, философов, юристов, культурологов и психологов. Такой полидисциплинарный интерес позволяет исследовать широкий круг вопросов: от социокультурных и психологических истоков земельных переделов до влияния переделов на крестьянские миграции и агротехнику крестьянских хозяйств.

О великорусской общине и внутриобщинных переделах написано немало трудов. Богатейший пласт фактического материала оставили исследователи из числа народников и либералов второй половины XIX в., относившиеся к общине с большим пиететом. Немалый вклад внесли и историки советского и постсоветского периодов, опубликовавшие огромный массив исторических документов, особенно о деятельности сельских сходов по земельным вопросам.

Народники, либералы и даже многие консерваторы во второй половине XIX в. считали передельную общину устойчивым социальным институтом, способным к прогрессу, а земельные переделы – бесспорным благом для крестьян. В трудах этих исследователей отмечалось, что основанием для земельных переделов была неравномерность землепользования, переделы выступали инструментом ликвидации этой неравномерности. Считалось, что крестьяне-общинники в случае неравенства в землепользовании выступали инициаторами перераспределения земли на основании принципа справедливости и равенства, так как «мирская совесть требует равнения» [1, С. 37]. Уравнительное землепользование между крестьянскими семьями считалось важнейшей отличительной чертой российской общины [2, С. 3]. Отдельные исследователи поэтично называли передельно-уравнительный механизм сердцем русской общины. Существовало

мнение, что переделы возникли в процессе эволюции общины, когда численность населения выросла, прежний земельный простор исчез и появилась необходимость в равном и справедливом наделении земель всех членов общины [3, С. 226.]. В народнической и либеральной литературе второй половины XIX в. господствовала точка зрения, что русская передельная община гарантировала каждому ее члену земельный надел и не позволяла полностью разориться [2, С. 4–5; 4, С. 13–14]. Это мнение разделяли и многие исследователи официального направления [5, С. 150–151]. Считалось, что община оказывала поддержку каждому домохозяину и была гарантом от «язвы пролетариата» в крестьянской среде [6, С. 81]. Этот тезис имеет своих сторонников и среди современных исследователей [7, С. 25, 29].

Что собой представляли земельные переделы? Схема передела была следующей: при трехпольном севообороте (абсолютно преобладавшем в российской деревне к началу XX в.) пахотные угодья общины разбивались на 3 поля. Каждое поле обычно состояло из разнокачественных земель (по плодородию, отдаленности от селения, по степени увлажненности, величине снежных заносов и т.п.). В соответствии с этими признаками поле делилось на определенное число конов. Чем более пересеченная была местность, тем больше конов было в одном поле. Коны разбивались на определенное число равных друг другу четверух, число которых в каждом коне соответствовало числу жребиев (или розников), составленных из жителей общины. В каждом рознике было одинаковое число земельно-раскладочных единиц (ревизских или наличных душ). Розник мог состоять из одной большой семьи или нескольких небольших. После разделения конов и распределения домохозяев по розникам следовала жеребьевка. Каждый розник получал по одной четверухе в каждом коне. Четверухи делились на равное число полос в соответствии с числом земельных единиц в рознике. После этого происходила жеребьевка внутри розника, и каждый домохозяин получал свои полосы [8, С. 39–40, 217.].

Имели место как количественные переделы земли внутри общин, так и качественные. Целью первых было изменение размеров участков отдельных домохозяев, целью вторых – обмен различных по качеству полос при сохранении прежнего размера участка [9, С. 15].

Временной промежуток между коренными переделами для пахотных угодий мог составлять 5, 7, 10 или 12 лет, иногда больше [10, С. 176]. А вот луговые земли переделывались чаще всего ежегодно. Относительно длительные сроки были исключением [8, С. 171–172]. Помимо коренных существовали частные переделы, проводившиеся ежегодно и называвшиеся в крестьянской среде «скидки-накидки» или «свалки-навалки» [11, С. 28].

Считалось, что каждая община – это мир торжества справедливости, где техника земельных переделов доведена до высшей и изумительной точности, обеспечивающей возможное равенство всех [12, С. 26]. Народники и либералы полагали, что типичной стороной общинно-передельного владения является равное право каждого отдельного члена общины на общинную землю в целях возможно более правильного распределения земельных угодий [9, С. 15]. Считалось,

что в рамках общинного землепользования реализуется право на труд для каждого крестьянина и право добывать себе средство для жизни. Соответственно с этими правами устанавливались у крестьян и порядки общинного уравнительного пользования землей [2, С. 12–13]. Переделы выступали как средство для равномерного распределения земли, что являлось существенным условием благосостояния крестьянства [13, С. 223–224]. Таким образом, в трудах народников и либералов община была представлена в идеализированном виде.

Либералы и народники во второй половине XIX в. и некоторые историки более позднего периода настаивали на том, что переделы земли являлись неотъемлемой чертой русской ментальности российского крестьянства, так как даже крестьяне, у которых по новому переделу должно было произойти сокращение землепользования, против переделов не возражали. Аргументация этого утверждения такова: на сходах за переделы голосовали не только те, кто от них непосредственно выигрывал, но и те, кто ничего не выигрывал или даже терял часть земли. Если бы большинство крестьян не выступало за передел, то сход не смог бы совершить ни одного передела. Передел был делом хлопотным, и большинству крестьян, конечно, не хотелось менять свои полосы. Тем не менее, в глазах большинства общинников передел был делом законным, необходимым и был тесно связан с крестьянским мировоззрением [8, С. 204]. Один из горячих сторонников русской передельной общины В. П. Воронцов писал, что передел земли в огромном большинстве случаев невозможен без того, чтобы за него не высказалась и часть тех, кому передел не представлялся выгодным [14, С. 58]. Из этого следовало, что в массовом сознании русского крестьянства преобладали такие черты как стремление к равенству и справедливости, и для реализации этих принципов крестьяне готовы были жертвовать частью своих земельных наделов, добровольно передавая их тем, кто более нуждался.

В связи с этим в настоящей работе ставится задача исследовать несколько ключевых вопросов: 1. действительно ли внутри общин имело место единодушие по вопросу о земельных переделах; 2. насколько переделы внутри общины в пореформенный период соответствовали принципам справедливости и было ли стремление к равенству и справедливости единственным мотивом земельных переделов; 3. действительно ли переделы приводили к уравнительности крестьянского землепользования и обеспечивали земельное равенство крестьян-общинников.

Детальный анализ опубликованных отечественными историками в XX в. массива архивных документов по деятельности сельских сходов позволил выявить острые социальные противоречия внутри общин по земельным вопросам. Эти документы не оставляют сомнений: единство крестьянской массы имело место лишь в трудах народников и либералов, но не в действительности. Земельные переделы проходили в условиях острой борьбы и внутренних противоречий.

Вопрос о земельных переделах решался отнюдь не в обстановке всеобщего благодушия и единства. Во многих общинах сельские сходы находились под влиянием зажиточных крестьян, решавших земельные вопросы в свою пользу. Исследователями неоднократно отмечались факты подкупа сельских сходов кула-

ками. Во многих общинах имела место клановость, и сельские сходы решали по-земельные вопросы в интересах нескольких семей, составлявших большинство [15, С. 6; 16, С. 69; 17, С. 47; 18, С. 129–130, 135.]. Такие родственные кланы были неформальными, но устойчивыми объединениями. Внутриклановая солидарность была даже сильнее внутриобщинной. Клановые отношения касались и по-земельных дел. Кланов старались не выпускать из своих рук освободившиеся наделы. Например, в дер. Крутцовой (Палехская волость, Вязниковский уезд, Владимирская губерния), существовало несколько крупных и мелких кланов, решавших земельные вопросы в своих интересах [8, С. 334–236]. В таких условиях сельские сходы, обсуждавшие вопрос о земельных переделах, являлись инструментом выражения интересов отдельных лиц, семей или кланов, но никак не средством достижения справедливости и равенства. В начале XX в. это было признано официально как факт. Так, в комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности Самарской губернии откровенно признали, что на сельских сходах обычно верховодит небольшая кучка крикунов [19, С. 367].

Отечественные историки середины – второй половины XX в. доказали, что фактически земельное равенство внутри передельных общин было иллюзией, а зажиточные хозяева путем манипуляций с сельским сходом концентрировали в своих руках земельные излишки [20, С. 83–84]. Случаи, когда сельские сходы находились под влиянием зажиточных крестьян, кулаков и принимали решения по земельным переделам именно в их интересах, не были редкими. Опубликованные историками документы свидетельствуют, что сельские сходы нередко принимали решения о передаче земельных наделов за материальное вознаграждение в виде алкогольных напитков (вино и водка) [21, С. 117–134].

Единодушие и полного консенсуса по вопросу о переделах тоже не было. Имели место конфликты на почве несогласия с условиями земельных переделов. Так, в с. Иссы (Инсарский уезд, Пензенская губерния) в феврале 1906 г. крестьяне приняли приговор о переделе земли. С условиями передела из числа голосовавших были согласны 534 домохозяина, а не согласны – 221. Несогласные подали жалобу. Развитие конфликта в итоге привело к тому, что значительная часть домохозяев вместо передела общинных земель укрепила земельные наделы в собственность. На 5 мая 1909 г. в этом селе укрепили за собой землю 448 домохозяев, а на 24 сентября 1912 г. число укрепленцев достигло 531 и 78 домохозяев получили землю в одном месте (не ясно, в отрубе или хуторе). В другом селении передел вызвал острые споры, в результате которых противники передела сговорившись между собой, высыпали на стол перед старостой кучу заявлений о выходе из общины и ушли со схода [8, С. 181, 201–203]. Эти примеры, на наш взгляд, показательны не только тем, что доказывают факт отсутствия единства и монолитности в крестьянской среде. Эти примеры свидетельствуют, что для многих крестьян вопрос о благополучии их собственных хозяйств был важнее, чем торжество абстрактной справедливости и равенства. Передел грозил ущемлением их интересов и, стремясь этого не допустить, крестьяне не остановились даже перед выходом из общины.

Анализ социальных процессов, происходивших в общинах Европейской России в пореформенный период показывает, что условия аграрной реформы

1861 г. фактически привели к разделению крестьянства на две группы: старшее поколение (попавшее в ревизские сказки) и крестьянская молодежь («заревизское поколение»). Старшее поколение наделялось землей по условиям реформы, а более молодое поколение нет. Старшее поколение считало ревизские наделы своей собственностью, тогда как более молодые настаивали на переделах. Борьба интересов между «стародушниками» и «новодушниками» носила затяжной и ожесточенный характер, с наймом адвокатов, а иногда и кровавыми стычками на сельских сходах. Так, в с. Верхняя Белозерка (Мелитопольский уезд, Таврическая губерния) в 1907 г. возник конфликт в крестьянской среде при решении вопроса об очередном переделе. Зажиточные крестьяне требовали разделения земли по дворам «раньше хозяйничавших плательщиков выкупных». Беднейшие крестьяне, молодые домохозяева и недавно вернувшиеся из города требовали наделения всех дворов. В результате конфликта дело дошло до Сената и даже до самого П. А. Столыпина [8, С. 51–52, 166–167].

Примечательно, что подобные факты приводятся даже в трудах исследователей, которые не скрывали своих симпатий к передельной общине. Так, В.П. Воронцов отмечал, что многие крестьяне после начала выкупной операции воспринимали выкупаемый надел как свою собственность, а к любым попыткам переделов относились враждебно. Например, в Белгородском уезде большинство бывших помещичьих крестьян выступало против переделов, тогда как за передел выступали лишь отдельные домохозяева. В Суражском уезде бывшие помещичьи крестьяне смотрели на выкупаемую землю как на собственность [14, С. 89].

Эти факты свидетельствуют, что действительность была иной, чем ее рисовали в своих трудах многие либералы и народники. Крестьяне преследовали личные интересы: у одних желание сохранить за собой то, что они считают своим, у других – желание получить наделы за счет других. Эти взаимоисключающие цели приводили к конфликтам и острым социальным противоречиям.

Немалый интерес в контексте настоящей работы представляет вопрос: кто и как наделялся землей по условиям земельных переделов? Либералы и народники настаивали на том, что правом на пользование землей обладали все члены общины, а распределение земли было «уравнительным» и «справедливым». Такой вывод был сделан во многом потому, что многие исследователи середины – второй половины XIX в. видели только внешнюю сторону переделов, но не анализировали схемы распределения земли внутри общин. Однако факты свидетельствуют, что не все крестьяне, входившие в общину, получали общинные наделы. Так, в Пензенской губернии в 77 обследованных общинах было 888 безнадельных дворов. Многие такие дворы принадлежали «чужакам» крестьянского и некрестьянского сословия, приписанным к волости или обществу, но не получившим земли. Дети таких «чужаков» тоже оставались «чужаками». В других безнадельных дворах проживали местные крестьяне – потомки бывших дворовых людей и николаевских солдат. Были случаи, когда община выступала в роли эксплуататора, подвергая таких «чужаков» различным ограничениям, гонениям и притеснениям. Даже принятый в общину и наделенный землей «чужак» долгое время подвергался различным ограничениям. Так, по приговору крестьян д. Щелковой (Московская губерния) два двора были наделены меньшим наделом,

чем им полагалось по раскладке. Жившие в них крестьяне принадлежали к обществу уже во втором поколении, но общество не соглашалось давать им надел более того, что получили их отцы. Общество ограничивало и права тех «чужаков», которые оказывались в составах семей «коренных» крестьян – это касалось «приймаков» (зятьев, принятых в дом тестя, или мужей, принятых в дом жены из другой деревни). Общества не считали их своими и отказывались наделять землей. При переделах общество отказывалось предоставлять наделы и тем, кто находился в длительной или безвестной отлучке [8, С. 115, 163–168].

Безземельные члены общины на сельских сходах не имели решающего голоса в земельных делах [11, С. 26–41]. Получался замкнутый круг: безземельные не могли через сельский сход добиться передела в свою пользу, так как их голоса не были решающими; а не были решающими их голоса потому, что у них не было земельных наделов. Можно ли считать справедливыми земельные переделы, если они игнорировали интересы малоземельных и безземельных бедняцких хозяйств? Были и вовсе вопиющие случаи. Например, в д. Юдиной во время передела у одной вдовы, не имевшей сыновей, отняли накладную «полудушу» (т.е. половину земельного надела) и передали ее другому крестьянину [8, С. 207.]. Уместно ли вообще применять тут термины «справедливость» и «равенство»?

Переделный механизм в пореформенный период трудно считать инструментом реализации принципа справедливости и уравнительности, так как далеко не всегда целью переделов было достижение равенства в землепользовании. Отечественными историками на большом фактическом материале была выявлена тесная связь между переделами и уплатой повинностей. Эта связь закреплялась круговой порукой, которая была необходимым условием для исправного производства крестьянских платежей за землю. Основные нормативные документы, определявшие выкупную операцию и статус крестьян, вышедших из крепостной зависимости, прямо ориентировали крестьянскую общину на необходимость отбирать землю у нерадивого работника и передавать ее как источник платежа тому, кто за нее обязывался вносить причитающиеся деньги. Хотя манифест 19 февраля 1861 г. провозглашал крестьян собственниками [22, С. 131], однако община имела право земельный надел, за который крестьянин платил выкуп, у него отнять в результате передела. Этот принципиальный момент подчеркивался сразу несколькими документами: Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [23, С. 167] и Положением о выкупе [24, С. 194].

Тесная связь между переделами земли и необходимостью уплаты налогов неоднократно отмечалась и современниками в пореформенный период. Так, Ф. Тернер в работе «Государство и землевладение» подчеркивал неразрывную связь между функцией распределения земли в общине и исполнением податных обязанностей общинников [10, С. 171]. В энциклопедическом определении общины податная система и круговая порука вообще названы первопричинами земельных переделов [25, С. 635]. Эта связь подчеркивалась и в Общем положении о крестьянах: в числе дел, относящихся к общинному пользованию мирской землей, названы переделы земель и накладки и скидки тяголов [23, С. 148]. Поэтому получение земли в результате передела представлялось уже не реализацией *права* на землю, а скорее *обязанностью* платить лежащие на этой земле подати.

Неудивительно, что в первые пореформенные десятилетия многие передельные общины начали вести борьбу с накоплением недоимок на маломощных хозяевах. В таких общинах земля распределялась в соответствии с хозяйственной состоятельностью крестьянских дворов (наличие рабочего скота или инвентаря) либо в соответствии с числом рабочих рук в семье. В Самарской и Саратовской губерниях нередко практиковалось исключение из числа наделяемых земель недоимщиков и заведомо «маломочных», «упалых хозяев». Безнадежным неплательщикам вовсе не давали землю, а иные из-за боязни не осилить лежавшие на земле повинности сами от нее отказывались [26, С. 155–157]. Так, в 1883 г. в Кирилловской общине (Ставропольский уезд) сельский сход решил отобрать земельные наделы у 35 неплательщиков податей, в д. Богдашкино (Озерская волость) при переделе планировалось исключить недоимщиков из числа наделяемых, в д. Татарское Урайкино (Помряскинская волость) при будущем переделе также подлежали исключению из числа наделяемых недоимщики и неисправные плательщики. В 14 общинах Самарской губернии в 1880-х гг. недоимщикам совсем не нарезали земельные наделы, вследствие чего эти крестьяне должны были перейти в разряд безземельных пролетариев [27, С. 113, 118].

Отнимаемые у несостоятельных дворов земли передавались более состоятельным. Подобные примеры перекалывания земельных наделов с «несостоятельных душ» посредством переделов в пореформенный период были отмечены и в нечерноземных губерниях. Переделы, вызванные отказом от наделов разорившихся крестьян, увеличивали налоговое бремя для односельчан, приводили к новым разорениям, новым отказам от земли и новым переделам. Историками была выявлена зависимость между увеличением безлошадных и бесхозяйных членов общины и учащением общих переделов [8, С. 44]. В результате действия передельного аппарата в 1894 г. в Салтыковской волости (Московская губерния) собственно земледелием занималось только 22% крестьян, а в Жирошкинской – лишь 13%. Остальные относились к числу безземельных и бесхозяйных [28, С. 88–89]. Таким образом, функционирование общинно-передельного механизма с целью «навалки» наделов на более состоятельных домохозяев создавало в российской деревне категорию обезземеленных крестьян и одновременно вело к увеличению земельных наделов тех дворов, которые отличались хозяйственной состоятельностью. Примечательно и то, что землю очень часто на состоятельных крестьян «наваливали» даже силой [29, С. 67]. Как видим, передел земли крестьянами в таких случаях воспринимался совсем не как реализация абстрактной справедливости или уравнительности. Земля передавалась тем, кто мог уплатить за нее повинности, и это была скорее общественная обязанность.

Современные историки отмечают, что действие передельно-уравнительного аппарата не было самоцелью, а диктовалось суровой необходимостью коллективного выживания [30, С. 129]. В этом утверждении немалая доля истины. В непростых условиях пореформенного периода абстрактные термины «справедливость» и «уравнительность» отходили на второй план. На первое место выходила практичность: земля передавалась тем, кто мог за нее платить все подати.

Поэтому переделную функцию общины в пореформенный период следует характеризовать не столько как «уравнительную», сколько как «распределительную».

Реальность была прямо противоположной той, которая описана в многочисленных работах народников и либералов. Основная землераспределительная функция сельских сходов стала сводиться к отнятию наделов у недоимщиков и передаче их более зажиточным, надежным в податном отношении односельчанам. В результате получился парадокс: общинное владение землей в условиях капитализма вело к быстрому обезземеливанию значительной массы крестьян [31, С. 29–39]. Утверждать, что переделный аппарат способствовал равенству и справедливости, нет оснований. Бедняцкие дворы в результате подобных переделов лишались земли, которая передавалась зажиточным хозяйствам. Это только обостряло социальное расслоение внутри крестьянства, но никак не способствовало уравниванию. О справедливом наделении землей при таких переделах речь вообще не идет.

Показательно, что наличие земельной неуровненности отнюдь не всегда заставляло крестьян проводить переделы. Тамбовский губернатор в служебной записке министру внутренних дел в 1882 г. сообщал, что среди государственных крестьян после X ревизии переделы почти не производились, хотя население с тех пор во многих селениях увеличилось на 50% и налицо большая неуровненность в пользовании землей. Крестьяне не хотели проводить переделы и ждали новую ревизию [32, Л. 13–13об]. Этот пример показывает, что неравное пользование землей не было основанием для проведения передела. Таким основанием должна была стать очередная ревизия, по итогам которой должны были быть составлены новые списки тех, кто несет «тягло», а в соответствии с этими списками уже и должен был проводиться передел.

Похожая ситуация была и во Владимирской губернии. В начале 1870-х гг. крестьяне одной из волостей Ковровского уезда сообщали в комиссию Валуева: «Переделы от ревизии до ревизии; но если случится много несостоятельных душ и потребуется переложить их надел на общество, то передел совершается и ранее» [8, С. 44, 48]. Таким образом, сам факт земельного передела еще не означал, что в основе действия переделного механизма существовали принципы равенства и справедливости.

Чтобы понять, насколько через переделы реализовывался принцип справедливости, следует более детально рассмотреть вопрос о механизме распределения земли между общинниками. В переделных общинах Европейской России после отмены крепостного права использовались разные схемы разверстки земли. Причем они могли варьироваться в различных комбинированных вариациях, и даже внутри одного уезда или волости таких вариаций разверстки могло быть очень много. Например, в д. Яловке Суражского уезда земли нарезались на души обоего пола с поправкой на состоятельность семей, а в Малой Морше Моршанского уезда – в расчет бралось число едоков и число работников [14, С. 252, 254].

Могли ли все эти многочисленные схемы распределения земли быть одинаково справедливыми и уравнительными? Безусловно, нет. Бесконечное изобилие схем распределения земли показывает, что многие из этих схем не имели ничего общего ни с принципом «справедливости», ни с принципом «уравнительности». Иногда в общинах в качестве разверсточной единицы использовались «ревизские души». Такая форма передела не только не обеспечивали какого-то равенства или справедливости, но была инструментом концентрации земель в руках состоятельных крестьян. При такой разверстке крестьяне, не попавшие в последнюю ревизию, в число наделяемых не включались. По мере вымирания мужских ревизских душ их наделы не оставались наследственно в их семьях, а перераспределялись между остальными живыми ревизскими мужскими душами. В.П. Воронцов в начале 1890-х гг. высказал мнение, что ревизская система разверстки отживает свой век [14, С. 226], но в действительности она сохранилась до начала XX в. Подобные переделы «по ревизским душам» были нередки – из 4 переделов, произошедших в Богородском уезде в 1913–1914 гг., в 3 разверстка проводилась по ревизским душам. Подобный же характер носили переделы по «старым» (или «владельным») душам, когда следующий передел производился по душам старого передела. Общин с переделами по «ревизским» или «владельным» душам в Богородском уезде насчитывалось 19,9% [8, С. 188–191]. О широком распространении в крестьянской среде привычки делить на ревизские и неревизские души мы можем судить и по косвенным признакам: в крестьянских прошениях и ходатайствах, даже датированных концом XIX в., нередко упоминаются отдельно ревизские и неревизские [33, Л. 2–3об].

Еще более распространенной была форма переделов по «ревизско-наличной» разверстке, когда ревизские души неприкосновенно владели своими наделами до смерти и только потом выморочные наделы распределялись между молодыми неревизскими душами. Причем поскольку последних рождалось больше, чем было в наличии выморочных наделов, то либо неревизские души наделялись уменьшенными наделами, либо наделялись не все, а лишь часть их, обычно старшие по возрасту. Последняя схема разверстки по «ревизско-наличным душам» была характерна для Ярославской, Тверской, Саратовской и Нижегородской губерний и области Войска Донского [26, С. 146–149]. В результате подобного распределения земли в общинах «заревизское» поколение получало землю в уменьшенном количестве или не получало вовсе. Некоторые из представителей такого «заревизского» поколения, обделенные землей, были вынуждены уходить на переселение. Беседовавший лично с переселенцами из Екатеринославской губернии и области Войска Донского А. Дудолодов отмечал, что у части крестьян именно неимение земли из-за непопадания в ревизские списки было причиной для переселения [34, С. 35].

В некоторых общинах в качестве критерия, по которому определялась земельная разверстка, выступала хозяйственная и имущественная состоятельность общинников. В Вяземском уезде (Смоленская губерния) в 1880-х гг. примерно 10% общин использовали разверстку «по хозяйственной силе». При этом учитывалось не только количество рабочих рук, но и количество скота и сельскохозяй-

ственных орудий в хозяйстве. В 1901 г. крестьяне д. Верхних Кватчей (Елабужский уезд, Вятская губерния) перераспределили землю «по платежеспособности в семействе каждого домохозяина». Подобные разверстки встречались и в Нижегородской губернии [8, С. 47–48]. При такой схеме разверстки земли об уравнительности и справедливости говорить не приходится. Состоятельные крестьяне получали больше земли, бедняцкие дворы меньше. В результате таких переделов происходило сосредоточение наделенной земли в руках кулаков.

Один из выдающихся исследователей русской передельной общины второй половины XIX – начала XX в. В. П. Воронцов выделил 2 основных принципа распределения земли в общинах: по производительной норме и по потребительской [35, С. 149–150]. Производительная норма предполагала распределение земли с учетом хозяйственной состоятельности дворов, а потребительская – с учетом количества крестьян. Объективно реализация принципов равенства и справедливости могла достигаться в рамках распределения земли по потребительской норме. Суммировав данные по 35 губерниям Европейской России, где была сосредоточена основная масса крестьян-общинников, В. П. Воронцов сделал вывод, что по принципу потребительской нормы земля регулярно распределяется только в 48,8% общин [35, С. 151]. То есть в абсолютном большинстве общин принцип справедливого и равного наделения землей (по потребительским нормам) отсутствовал.

Заметим, что В. П. Воронцов считал потребительской нормой и схему наделение земель всех «едоков» (душ обоего пола), и схему при которой землей наделялись только души мужского пола [35, С. 150]. Корректность такого подхода вызывает сомнения, так как одна из этих схем исключает из числа наделяемых земель потребителей всех женщин. Теоретически если у крестьянина 5 дочерей, то по разным схемам разверстки он мог получить разное количество земли: в одном случае на девочек будет выделена земля, в другом нет. Соответственно в первом случае потребительские нормы соблюдались, а в другом нет. В первом случае можно говорить о принципах равенства и справедливости, в другом нет. Но даже объединив две принципиально разные схемы вместе получилось, что наделение земель по потребительским нормам не практикуется в большинстве общин Европейской России. Из этого следует, что по своему характеру переделы в большинстве крестьянских общин не были справедливыми и уравнительными.

Этот вывод подтверждается общей тенденцией выделения в крестьянской массе полярных групп по имущественному признаку, характерной для пореформенного периода. К началу XX в. процесс социального расслоения крестьянства внутри общин был признан официально на уровне комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности [36, С. 95]. Причем в отдельных губерниях прямо констатировалось, что община не смогла выполнить возложенную на нее функцию по предотвращению пролетаризации крестьянства. Этот вывод был основан на материалах статистики, которая показывала динамику роста безлошадных дворов и увеличения недоимок [37, С. 74]. Статистика свидетельствует, что процесс обезземеливания крестьянства шел по нарастающей. Если в 1895 г. в 46 основных земледельческих губерниях Европейской России было 726 388 безземельных дворов [38, Л. 39], то в 1905 г. в 50 губерниях Европейской России

насчитывалось 14,7 млн крестьянских дворов, из них количество безземельных составляло уже 2,2 млн (14,9%) [39, С. 197].

Таким образом, великорусская община с ее земельно-распределительным аппаратом не оправдала надежд, которые возлагали на нее консерваторы, либералы и народники. Община не смогла препятствовать процессу социального расслоения крестьянства, не смогла обеспечить равенства в землепользовании и предотвратить массовое обнищание и обезземеливание крестьянства. В условиях интенсивного развития капитализма переделы далеко не всегда были продиктованы желанием крестьян достичь справедливого и уравнительного землепользования. На практике переделы часто становились инструментом концентрации земли в руках состоятельных и зажиточных дворов, которые могли вести эффективное хозяйство и платить все положенные платежи. Факты свидетельствуют, что внутри общин не было монолитного единства по земельным вопросам. В начале XX в. официально было признано, что ни один передел земли, каким бы совершенным он ни был, не удовлетворяет всех участвовавших в нем [19, С. 536]. Рыночные отношения активно вторгались в крестьянскую среду и не могли не влиять на менталитет и поведение крестьянства.

Конечно, феномен великорусской поземельной общины и проходившие в ней социальные процессы требуют дальнейшего исследования. Необходимо расширять круг исторических источников за счет региональных и центральных архивов, вовлекать в научный оборот новые документы. Это позволит более полно и детально рассмотреть характер и сущность внутриобщинных процессов и исследовать историю российского крестьянства.

Список источников и литературы

1. Шарапов С. Несколько данных о подворном хозяйстве // Русь. – 1883. – № 24. – С. 34–39.
2. Вениаминов П. Крестьянская община. – СПб. : Тип. Д. П. Вайсбрута, 1908. – 259 с.
3. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. – Саратов : Сотрудничество, 1909. – Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. – 308 с.
4. Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. – М. : Тип. И. Н. Кушнерева и К^о, 1888. – X, 297 с.
5. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. – Изд-е 2. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. – Т. 2. – III, 393 с.
6. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1870. – Т. 1. – XXII, 490 с.
7. Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы междунар. конф. – М. : РОС-СПЭН, 1996. – С. 22–39.
8. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. – М. : Наука, 1992. – 256 с.

9. Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. – 117 с.
10. Тернер Ф. Государство и землевладение. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. – Ч. 1. – 349 с.
11. Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. – 1980. – № 4. – С. 26–41.
12. Шевцов С. П. Крестьянская община, схема ее возникновения и развития. – СПб.: Типо-литогр. Д. А. Алексеева, 1906. – 28 с.
13. Посников А. Общинное землевладение. – 2 изд. – Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1878. – Вып. 1. – X, 153, 7 с.
14. В. В. Крестьянская община. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. – XXXV, VII, 600, IV с.
15. Бржеский Н. Сельские и волостные сходы // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1906. – № 14. – С. 5–12.
16. История земельных отношений и землеустройства. – М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1956. – 248 с.
17. Кабытов П. С., В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
18. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. – 447 с.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб.: Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. – Т. 35: Самарская губерния. – VI, 662 с.
20. Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. – Новосибирск: Наука, 1992. – 144 с.
21. Тихонов Б. В. Переселение в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М.: Наука, 1978. – 213 с.
22. О Всемиловейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр-е 2-е. – СПб., 1863. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36650.
23. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1863. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36657.
24. Высочайше утвержденное Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1863. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36659.
25. Энциклопедический словарь / изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – СПб.: Типо-литогр. И. А. Ефрона, 1897. – Т. 21а. – 957 с.
26. Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. – Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2008. – 296 с.

27. Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. – Изд. 2. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 312 с.
28. П. Д. Русский социализм и общинное землевладение. – М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1899. – 177 с.
29. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1892. – Т. 1. Крестьянская община. – 650 с.
30. Ратушняк В. Н. Новый взгляд на крестьянскую общину России // Долг и судьба историка: Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 127–150.
31. Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 287 с.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1620. Оп.1. Д.6. Л.13–13об.
33. РГИА. Ф. 1273. Оп. 2. Д. 56. Л. 2–3об.
34. Дудолодов, А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. – 1886. – Кн. 8, вып. 1/2. – С. 1–44.
35. В. В. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. – 220 с.
36. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. Штаба Отдельного корпуса Пограничной Стражи, 1903. – Т. 6 : Владимирская губерния. – III, 186 с.
37. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. – Т. 43 : Тульская губерния. – V, 529 с.
38. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 39.
39. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб. : «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. – 199, L, 7 с.